

ется материальной коростой, через постепенное снятие которой и происходит очищение.

Александра Чабан
(Москва)

Примечания

- ¹ Иванов Вяч. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 10.
- ² Пайман А. История русского символизма. М., 2000. С. 212.
- ³ Белый А. Воспоминания об Александре Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 216.
- ⁴ Пайман А. История русского символизма. С. 218.
- ⁵ Здесь и далее стихотворения Эллиса цитируются по изданию: Эллис. Стихотворения. Томск, 2000.
- ⁶ Цит. по: Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 343.

Два Гумилева: критик «Аполлона» и критик «Гиперборей»

Период одновременного сотрудничества Н. Гумилева с журналами *Аполлон* и *Гиперборей* представляет собой простое задание для исследователей ввиду отсутствия прямых фактов и свидетельств очевидцев¹. Однако один эпизод вызывает острую необходимость комментария: шесть рецензий, опубликованных в *Гиперборее*, имеют свои аналоги в *Аполлоне*. Наметьте допустимый ход событий и попытайтесь определить причины, побудившие поэта несколько раз обращаться к одним и тем же сборникам, стоит хотя бы для того, чтобы у читателей рецензий не возникало недоумения относительно истинности эстетических взглядов поэта в том или ином случае.

Карьера Н. Гумилева в *Аполлоне* началась в 1909 г. с первого номера журнала². Журнал *Гиперборей*, учрежденный «Цехом поэтов», стал выходить с октября 1912 г. Будучи одним из синдиков «Цеха», Гумилев принимал «непосредственное участие»³ и в организации каждого номера: был соредактором, ведущим поэтом и рецензентом. За период существования журнала напечатано десять отзывов Гумилева⁴.

Суждения Гумилева о В. Брюсове и М. Кузmine уже были известны читателям из выпусков *Аполлона*. Однако в первом номере *Гиперборей* Гумилев не преминул опять обратиться к этим именам, своеобразно продублировав свое мнение не только о поэтах, но и о тех же рецензируемых сборниках.

В *Аполлоне* № 3–4 (март-апрель) за 1912 г. напечатан отзыв Гумилева о «Зеркале теней», книге стихов В. Брюсова. К этому периоду Гумилев уже отошел и от символизма, и от «Академии стиха» Вяч. Иванова, организовал «Цех поэтов», но упорно поддерживал творческие связи с Брюсовым, надеясь на его протекцию в новой борьбе. Рецензия, в целом положительная, всячески подготавливает читателей к скорым переменам. В. Брюсов, сам того не подозревая, становится в подаче Гумилева «гениальным стратегом»⁵, «усвоившим характерные черты всех бывших до него литературных школ» и «прибавившим к ним нечто такое, что заставило их загореться новым огнем». «Может быть, — торжественно заключает Гумилев, — это нечто есть основание новой,

идушей на смену символизма, школы». Иначе говоря, В. Брюсов, низвергнув символизм, на его руинах становится ни больше ни меньше как основателем нового литературного направления, которое «уже не мечта»⁶. Написанное Гумилевым, несмотря на ряд действительно ценных наблюдений, в сущности составляло *его* мечту, т. к. идеи создания акмеизма уже витали в воздухе, и поддержка сильного союзника была не просто желательна, а необходима.

Спустя пять месяцев в *Гиперборее* № 1 (октябрь) за 1912 г. появляется опять отзыв о «Зеркале теней». Как ни странно, в рецензии характеристика В. Брюсова традиционна: «один из первых русских символистов»⁷, отличающийся «зрелостью мысли, точностью выражений и уверенностью», которого «можно не любить, но читать и изучать должно». И что самое удивительное: нет даже намека на то, что Брюсов может быть основателем новой постсимволистской школы. Более того: «его творчество представляется нам тем, — пишет Гумилев, — что французы называют “оувге”, т. е. законченным, как поэма, единым при кажущемся разнообразии». Брюсов предстает в статье не новатором, а консерватором, творческий вектор которого устремлен не в будущее, а в лучшем случае в прошлое, «что волновало общество последние десятилетия». Эта позиция кардинально расходится с мнением, высказанным до этого в *Аполлоне*. В целом создается впечатление, что эти статьи писал не один, а два разных человека, будто бы есть два Гумилева: один — критик *Аполлона*, а другой — критик *Гиперборея*.

Небольшой временной промежуток, отделяющий обе рецензии, объясняет многое в этой истории. А именно — после выхода отзыва в *Аполлоне*, 22 мая 1912 г. Гумилев пишет Брюсову: «Литературный Петербург интересуется теперь возможностью новых группировок, и по моей заметке <...> Вы можете судить, какое место в этих группировках отводится Вам»⁹. Ответ Брюсова не сохранился, но его мнение известно: акмеистов он не признавал, что впоследствии и оформил в своей статье «Некоторые течения в современной поэзии»¹⁰. Рецензия в *Гиперборее* и есть, вероятнее всего, следствие реакции Гумилева на отказ Брюсова¹¹. Этот переход почувствовали и первые читатели. Почти сразу после публикации первого номера *Гиперборея* А. Я. Левинсон констатировал: «<...> Рецензии о книгах В. Брюсова, К. Бальмонта, Вяч. Иванова почтительны и пиететны — как эпитафии, <...> поэты «Цеха» дружно устремились к новым берегам <...>»¹².

Схожим образом раскрывается история рецензий на «Осенние озера» М. Кузмина.

В *Аполлоне* № 8 (августе) за 1912 г. поэзия Кузмина, при всех достоинствах, определена как «салонная», то есть ограниченная «кружковой семантикой»¹³, а не расширенная до пределов «целого мира», чего хотел видеть Кузмин¹⁴. Отзыв стал причиной творческого разрыва Кузмина и Гумилева¹⁵.

Очередную рецензию на «Осенние озера», напечатанную в *Гиперборее* № 1, при этом правильнее всего следует расценивать как своеобразную попытку «примирения» поэтов. Здесь Гумилев в угоду Кузмину расширил его культурную географию: и французский классицизм, и Шекспир, и итальянские песенки, и русские духовные стихи. Стоит предположить, что гиперборейский отзыв как-то повлиял на взаимоотношения между поэтами, т. к. после этого их творческие связи некоторым образом восстановились: Кузмин напечатал свои стихотворения в № 2 и № 9–10 *Гиперборея*.

Левинсон назвал «лапидарную краткость»¹⁶ характерной особенностью печатаемых в *Гиперборее* рецензий. Действительно, рецензии занимают в лучшем случае половину страницы, что выглядит невыигрышно по сравнению с отзывами в *Аполлоне*. Но в пределах такого небольшого объема их содержание настолько сгущено, что «прекрасная простота» текста оказывается простой только на первый взгляд. Большое значение приобретает не только написанная фраза, но и способ ее подачи, «интонация», что не скрылось от Левинсона: «Критический отдел первого выпуска журнала с нарочитым смирением воздает <...> предшественникам дань уважения <...>»¹⁷.

Лучше всего это стилистическое и содержательное расхождение проявляется в рецензиях Н. Гумилева на Вяч. Иванова.

Рецензия на «Нежную тайну» Вяч. Иванова напечатана в *Аполлоне* № 3 (марте) за 1913 г. Это был уже не первый отзыв Гумилева о Вяч. Иванове: до этого вышла скандально известная статья о «*Cog ardens*»¹⁸, которая ярко продемонстрировала накопившиеся противоречия в художественном восприятии двух поэтов¹⁹. Как и в случае с рецензией на Брюсова, Гумилев в *Аполлоне* весьма многоречив и пристрастен в своих оценках: он критикует призывы Иванова, называя их общеизвестными; над названием книги он неприкрыто иронизирует: «<...> как высшее постижение: тайна — нежна...»²⁰. И несмотря на то что Вяч. Иванов все-таки признается большим поэтом, для Гумилева его творчество представляет некий рудимент прошлой эпохи: «<...> как далек этот индивидуальный, одинокий расцвет от того равновесия всех способностей духа, которое теперь грезится многим... Между Вяч. Ивановым и акмеизмом пропасть, которую не заполнить никакому таланту».

Такая резкая критика объясняется достаточно просто: в недавнем, *Аполлоне* № 1 за 1913 г., были опубликованы манифесты акмеизма, и Гумилев всячески старался укрепить позиции своей школы. Интересно другое. В январском номере *Гиперборея* № 4 за 1913 г. уже существовала рецензия Гумилева на «Нежную тайну».

И рецензия положительная, тщательно перечисляются достоинства книги: прекрасные описания картин природы, которым «должно быть отведено первое место среди пейзажей символистов»²¹; стихотворения, «полные грации и нежного остроумия»; «простой и прекрасный язык». Явные, да и тайные уколы обнаружить очень сложно. Однако сама структура выдает то, что написано между строк. Произведения Иванова — всего лишь «стихотворения на случай»; «прекрасный язык» назван необычным для поэта, а темы — всегдашними; пейзажам хоть и отводится первое место, но только среди символистов. Эти маленькие придирки не были бы так язвительны, если бы не главное. Как известно, в рецензии на «*Cor ardens*» Гумилев больше всего критиковал именно образы и пейзажи²². В *Гиперборее* же он намеренно и непозволительно долго для маленькой статьи восхищается пейзажами, «которые наводят поэта на глубокие и серьезные размышления. Полная связанность при массе подробностей — их окончательное свойство», — пишет он. Такой резкий контраст между тем, что порицалось в прошлой статье, и тем, что яро воспевается в нынешней, придавал ореол ироничности всей рецензии в целом при кажущейся на первый взгляд простоте и почтительности.

Помещая свои рецензии в разных журналах, Гумилев, очевидно, преследовал и разные цели. Более резкие и «по-акмеистски» настроенные отзывы выходили в нейтральном по отношению ко всем литературным течениям *Аполлоне*, тем самым осуществлялся план по продвижению акмеизма на литературной арене. Если с течением времени Гумилеву приходилось корректировать свою литературную позицию, то тогда появлялась рецензия в *Гиперборее*.

Литературная позиция этих печатных изданий также налагала на Гумилева некоторые обязательства по следованию общему «эстетическому канону» журнала. Так, авторитетный *Аполлон*, независимый от литературных школ, позволял высказываться более свободно. С *Гипербореем* ситуация неоднозначна: несмотря на неоднократные заявления о «внепартийности» журнала²³, современниками *Гиперборей* воспринимался исключительно как орган «Цеха поэтов» и акмеистов²⁴. Тот же факт, что гиперборейские рецензии более дружественны и почтительны, дает повод полагать, что именно позиция журнала могла за-

ставить Гумилева высказываться в рецензиях более мягко. «Внепартийность» позволяла организаторам журнала надеяться на объединение и взаимодействие поэтов разных литературных направлений, о чем неоднократно писал и сам Гумилев²⁵, поэтому любой резкий выпад гиперборейцев мог повлечь за собой реакцию отторжения в разных поэтических кругах, что противоречило бы главной цели, с которой задумывался *Гиперборей*²⁶.

Некоторые прагматические расчеты также могли быть учтены. А именно — объем и тираж журналов. По этим двум показателям *Аполлон* превосходит *Гиперборей* в несколько раз: объем *Аполлона* — около 100 страниц и тираж — около 1000 экземпляров; *Гиперборея* — 31–32 страницы и тираж около 200 экземпляров²⁷. Тем самым продуктивнее было рассчитывать на большую аудиторию именно в *Аполлоне*, причем не слишком опасаясь нападков оппонентов, что, как следствие, могло бы привести молодой журнал к гибели²⁸.

«Журналистская тактика» Гумилева, таким образом, являла собой образец кропотливой работы, направленной как на формирование «общественного мнения» определенного типа, так и на поддержание литературных связей. Эпизод с существованием «дублирующих» рецензий в *Аполлоне* и *Гиперборее* подтверждает это наилучшим образом.

Примечания

- ¹ Рецензии *Аполлона* подробно откомментированы Р. Д. Тименчиком в трехтомном собрании сочинений Гумилева. Статьи *Гиперборея*, по указанным выше причинам, снабжены весьма кратким комментарием.
- ² Всего вышло более чем 26 номеров *Аполлона* с рецензиями Гумилева-критика.
- ³ На титульном листе *Гиперборея* читаем: «Ежемесячник стихов и критики “Гиперборей”. При непосредственном участии С. Городецкого и Н. Гумилева».
- ⁴ Раздел критики присутствовал в шести номерах *Гиперборея*. Всего же в нем напечатано 30 рецензий.
- ⁵ Все цитаты из этой рецензии здесь: *Аполлон* № 3–4, 1912. С. 100.
- ⁶ «Такая доведенность каждого образа до конца, абсолютная честность с самим собою не есть ли мечта для нас, так недавно освободившихся от пут символизма? И эта мечта для Брюсова уже не мечта» // *Аполлон* № 3–4, 1912. С. 100.
- ⁷ Все цитаты из этой рецензии здесь: *Гиперборей* № 1, 1912. С. 27.
- ⁸ Здесь и далее на странице курсив мой — А. Ч.
- ⁹ Литературное наследство. Т. 98., Кн. 2. В. Брюсов и его корреспонденты. М., 1991. С. 509.
- ¹⁰ Русская мысль № 4, 1913.

- ¹¹ О разительной перемене отношения Гумилева к Брюсову не без иронии пишет в это время и Д. Философов: «Брюсов пригрел Гумилева. Благодарный Гумилев пел в печати такие дифирамбы Брюсову, что становилось даже неловко. Когда у этих поэтов [акмеистов — А. Ч.] прорезались “зубки”, они стали кусать грудь своей кормилицы» // *Речь*, 1913. 17 февраля. С. 3.
- ¹² *Театр*, 1912. 25 ноября. С. 2.
- ¹³ *Эйхенбаум Б. М.* Литературная домашность // *Мой современник*. Л., 1929. С. 85.
- ¹⁴ Позже Гумилев в очередной рецензии на «Осенние озера» напишет то, что хотел видеть Кузмин: «Кажется, целый мир для него заключается в одном этом слове [любовь — А. Ч.]» // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к ж. «Нива», 1912. № 11.
- ¹⁵ Об этом подробнее: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. СПб., 2007. С. 279–280.
- ¹⁶ *Театр*, 1912. 25 ноября. С. 2.
- ¹⁷ *Театр*, 1912. 25 ноября. С. 2.
- ¹⁸ Первая часть рецензии опубликована в *Аполлоне* № 7, 1911; вторая — в *Аполлоне* № 5, 1912.
- ¹⁹ Подробнее об истории взаимоотношений Н. Гумилева и Вяч. Иванова см. *Тименчик Р. Д.* Неизвестные письма Н. С. Гумилева // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т. 46 № 1. М., 1987. С. 63–70.
- ²⁰ Все цитаты из этой рецензии здесь: *Аполлон* № 3, 1913, С. 74–75.
- ²¹ Все цитаты из этой рецензии здесь: *Гиперборей* № 4, 1913. С. 27.
- ²² Стоит вспомнить сопоставление пушкинского пейзажа с ивановским, на что и обиделся больше всего Вяч. Иванов: «Вот пейзаж Пушкина:... Люблю песчаный косогор, / Перед избушкой две рябины, / Калитку, сломанный забор, / На небе серенькие тучи... Вот пейзаж Вячеслава Иванова: Ты помнишь: мачты сонные, / Как в пристанях Лорэна, / Возносились из туманности/ Речной голубизны/ К эфирной осиянности, / Где лунная сирена/ Качала сребролонные, / Немерющие сны. Как видите, полная противоположность», — подытоживает Гумилев.
- ²³ См. заметки от редакции // *Гиперборей* № 1, 1912. С. 3–4; *Гиперборей* № 5, 1913. С. 26.
- ²⁴ См. такое мнение: «<...> цехисты неинтересны и скучны, <...> орган их “Гиперборей” — какое-то старческое лепетание или, в лучшем случае, “легкое наездничество в искусстве”» // *Речь*, 1912. 24 декабря. С. 2.
- ²⁵ Гумилев — Брюсову: «Всем, пишущим об акмеизме необходимо знать, что <...> *Гиперборей* — журнал совершенно независим и от «Цеха» и от кружка «Акмэ» <...>» // *Гумилев Н. С.* Незданные стихи и письма. Paris, 1980. С. 76–77.
- ²⁶ Уместно замечание Н. А. Богомолова: «Опыт издания модернистских журналов показывает, что всегда замысел и воплощение оказывались в некотором, более или менее заметном противоречии, и даже “Весы” и “Гиперборей” <...> этих противоречий не избежали» // *Богомолов Н. А.* Из истории русской потенциальной журналистики начала XX в. // *Русская литература начала XX века и оккультизм*. М., 2000. С. 226.
- ²⁷ «*Гиперборей* <...> был маленький журнальчик — 32 страницы в восьмую долю. Печаталось экземпляров двести. Расходилось... хорошо, если четверть», — до-

статочно точно описывает Г. Иванов // *Иванов Г. В.* Собр. соч. В 3-х т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. М., 1993. С. 222.

- ²⁸ Здесь уместно обратиться к мнению Ахматовой, считавшей скорый распад *Гиперборей* результатом всеобщих атак на него и на акмеистов: «Борьба с занявшими командные высоты символистами была делом безнадежным. Они владели огромным опытом литературной критики и борьбы, мы и понятия обо всем этом не имели. Дошло до того, что пришлось объявить *Гиперборей* не акмеистическим журналом». *Ахматова А.* Автобиографическая проза // *Литературное обозрение* № 5, 1989. С. 13.